

**Комментарии Российской Федерации
к проекту статей об иммунитете должностных лиц государства
от иностранной уголовной юрисдикции**

В соответствии с пунктом 6 резолюции Генеральной Ассамблеи 77/103 Российская Федерация имеет честь представить комментарии к проекту статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, принятому Комиссией международного права в первом чтении на ее 73-й сессии.

Российская Федерация пользуется случаем, чтобы выразить признательность Специальным докладчикам Роману Анатольевичу Колодкину и Консепсьон Эскобар Эрнандес, Редакционному комитету и всей Комиссии за проделанную работу по теме иммунитета. Доклады Специальных докладчиков, проект статей и комментарии к нему стали важным вкладом в развитие международного права, прояснили содержание ряда международно-правовых норм, отразили их обычно-правовой характер.

В то же время Россия убеждена, что проект статей нуждается в серьезном дополнительном анализе и доработке. В нынешнем виде в нем отсутствует целый ряд важнейших положений и ответов на значительное число вопросов, возникающих в связи с иммунитетом должностных лиц. Многие из этих вопросов освещены в комментариях Комиссии к проекту статей, но вполне заслуживают включения непосредственно в текст статей. Другие вопросы лишь обозначены, без четких выводов, однако эти выводы необходимо найти и включить в проект. Наконец, по ряду ключевых вопросов, по мнению России, Комиссия пришла к неверным выводам, не соответствующим ни объективному содержанию международного права на сегодняшний день, ни потребностям государств в его развитии.

Главный из таких вопросов – так называемые исключения из иммунитета применительно к наиболее тяжким преступлениям по международному праву (проект статьи 7). Россия настаивает, что в обычном международном праве таких исключений нет и что такие исключения несли бы существенный риск дестабилизации международных отношений, причем без какого-либо ощутимого вклада в борьбу с безнаказанностью. Попытку «сбалансировать» статью 7 «процессуальными гарантиями» нельзя рассматривать как адекватную. Более того, в результате такого подхода проект оказался перенасыщен процессуальными положениями, оставляя в стороне ряд важных материально-правовых вопросов.

Россия вынуждена отметить также, что проект статей грешит многочисленными изъянами в части юридической техники. Наиболее важные из них отражены в нижеследующих комментариях, однако Россия предпочла на данном этапе воздержаться от подробного редакционного разбора статей – ввиду большого объема замечаний по существу. Тем не менее, объем этих замечаний и редакционная непроработанность проекта статей (и комментариев к ним) свидетельствуют об одном: Комиссии следует тщательно, подробно заново рассмотреть проект статей во всей его полноте с учетом устных и письменных комментариев государств. Не следует устанавливать искусственных сроков работы над темой (это пожелание Россия высказывала и применительно к другим темам, находящимся на повестке дня Комиссии). Качество итогового «продукта» гораздо важнее скорости его изготовления. Нуждается в улучшении и перевод проекта статей и комментариев к ним на русский язык.

Что касается формата итогового документа Комиссии, то этот вопрос представляется уместным решить после доработки проекта. Проект статей в его нынешнем виде, составленный в жанре проекта международной конвенции, не может быть основой такой конвенции.

Immunity of State officials from foreign criminal jurisdiction	Иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции
Part One Introduction	Часть первая Введение
Article 1 Scope of the present draft articles	Статья 1 Сфера применения настоящих проектов статей
1. The present draft articles apply to the immunity of State officials from the criminal jurisdiction of another State.	1. Настоящие проекты статей применяются к иммунитету должностных лиц государства от уголовной юрисдикции другого государства.
[...]	[...]

Вводное положение, содержащееся в пункте 1 статьи 1 проекта статей, само по себе замечаний не вызывает. Вместе с тем, оно имеет практический смысл лишь при условии, что читателю (правоприменителю) ясны все содержащиеся в нем понятия: «иммунитет», «должностные лица государства», «уголовная юрисдикция». Между тем, в статье 2 («Определения») из этих понятий дается определение лишь понятию «должностного лица».

Согласно пункту 5 комментария к статье 1, Комиссия решила не включать в проекты статей определение терминов «уголовная юрисдикция» и «иммунитет». Ранее Российская Федерация выражала сомнения в возможности и целесообразности формулирования таких определений. Однако, заявляя эту позицию, Россия исходила из того, что в проектах статей будет иным образом отражено, что подразумевается под данными понятиями. В частности, каким образом проект статей отграничивает уголовную юрисдикцию от других типов юрисдикции? Каким проявлениям уголовной юрисдикции препятствует иммунитет? В представленном же виде проект статей не дает ответов на эти вопросы. Между тем, они носят отнюдь не теоретический характер.

- *«Уголовная юрисдикция»*

Так, говоря об «уголовной юрисдикции», необходимо помнить, что в различных государствах наблюдаются различные подходы к возложению на физических лиц индивидуальной ответственности за правонарушения. Как представляется, в проекте статей или в комментариях к ним необходимо закрепить, что иммунитет может иметь место не только в контексте деяний, которые национальным законодательством формально отнесены к категории «преступлений», и не только в контексте процедур, которые формально отнесены к категории «уголовных», но и при привлечении лица к ответственности за иные деяния и/или в рамках иных процедур, которые по ряду признаков схожи с привлечением к уголовной ответственности за совершение преступления.

Например, в Российской Федерации наряду с понятием «преступлений», которые предусмотрены Уголовным кодексом и влекут «уголовную ответственность», существует понятие «административных правонарушений», которые предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях и влекут «административную ответственность». При привлечении лица к административной ответственности могут иметь место процедуры и наказания, сопоставимые с теми, что имеют место в уголовном процессе. Российская Федерация исходит из того, что иностранные должностные лица могут обладать иммунитетом от юрисдикции в отношении административных правонарушений, что закреплено и в самом Кодексе об административных правонарушениях.

Разграничение между различными типами правонарушений, влекущих индивидуальную ответственность, и соответствующих процедур имеется во многих национальных правовых системах. Достаточно указать на многообразие терминов, которыми обозначаются преступления и иные правонарушения: собственно «преступления», «деликты», «felonies», «misdemeanors», «contraventions», «infractions», и соответствующие им понятия на других языках.

Кроме того, в ряде государств речь об «уголовной юрисдикции» в строгом смысле может идти лишь при поступлении уголовного дела на рассмотрение суда. В других государствах, включая Россию, понятие «уголовный процесс» охватывает также действия органов, вовлеченных в расследование преступлений, начиная с возбуждения уголовного дела должностным лицом полиции или иного правоохранительного органа. Очевидно, что вопрос об иммунитете может возникать на досудебной стадии, которая, соответственно, должна быть включена в понятие «уголовной юрисдикции» для целей проекта статей (см. пункт 7 комментария к статье 8, пункт 5 комментария к статье 9).

Таким образом, Комиссии необходимо найти способ (в тексте статей или в комментариях к ним) разъяснить читателю, где и каким образом она проводит границы понятия «уголовная юрисдикция». Специальный докладчик К. Эскобар Эрнандес сделала соответствующую попытку (A/CN.4/661, пункт 42), и, как представляется, неспособность Комиссии прийти к единому решению/тексту по данному вопросу не должна быть поводом вовсе отказаться от этой задачи.

- *«Иммунитет»*

Аналогичным образом, в представленном виде проект статей страдает от отсутствия не только определения, но даже и описания понятия «иммунитет». По мнению Российской Федерации, проект выиграл бы от включения в него отдельной статьи, в которой закреплялось бы, какие формы осуществления уголовной юрисдикции блокирует иммунитет. Следует отметить, что оба Специальных докладчика Комиссии подробно останавливались на этом аспекте (см. A/CN.4/631, пункты 38 – 51; A/CN.4/722, пункты 64 – 96). Российской Федерации импонирует подход, согласно которому иммунитет препятствует таким шагам государства, осуществляющего юрисдикцию, которые препятствуют иностранному должностному лицу в осуществлении его официальных функций (арест, ограничение передвижения, вызов в суд или другой орган, заморозка банковских счетов и т.п.). С другой стороны, шаги, которые не направлены лично на иностранное должностное лицо и не препятствуют его деятельности (возбуждение уголовного дела, сбор доказательств, допрос свидетелей, а также приглашение должностному лицу добровольно дать показания), не могут рассматриваться как нарушения иммунитета. Этот подход находит поддержку, в частности, в решении Международного Суда по делу *«Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters»*, где сформулирован критерий «constraining act of authority» (I.C.J. Reports 2008, pp. 236-237, para. 170; см. также пункт 6 комментария к статье 9).

В такой отдельной статье о понятии иммунитета можно было бы также предусмотреть следующие элементы:

- процессуальная природа иммунитета (см. пункт 8 комментариев к статье 1; по мнению Российской Федерации, эта характеристика – ключевая для определения природы иммунитета, и сохранять ее лишь в комментарии, не вводя непосредственно в текст статей, неверно);
- принцип, согласно которому иммунитет предоставляется не для личной выгоды должностных лиц, а для эффективного осуществления функций государства (см. пункт 5 вводного комментария к проекту статей);
- подтверждение того, что иммунитет не освобождает целиком от уголовной ответственности, не выводит должностное лицо из-под действия материальных норм уголовного права, а при пребывании на территории другого государства – из-под обязанности соблюдать законы и правила этого государства (см. пункт 8 комментариев к статье 1).

В комментарии к такой статье можно было бы также записать, что слова «пользуются», «enjoy», «bénéficient», «se beneficiary» отражают сложившееся словоупотребление и не должны толковаться, будто они легитимизируют некое удовольствие, которое чиновники получают от иммунитета.

Также в комментарии можно было бы уточнить, что предоставление иммунитета «для эффективного осуществления функций государства» означает, в частности, стремление уберечь должностное лицо от давления со стороны зарубежного государства под угрозой уголовного преследования, а также от ущерба его репутации, который может возникать при выдвижении произвольных обвинений в совершении преступлений.

Наличие такой отдельной статьи, содержащей определение или подробное описание иммунитета, позволило бы также избежать некоторых вопросов юридической техники, которые возникают в связи с проектом статей (например, соотношение понятий «иммунитет от юрисдикции» и «иммунитет от осуществления юрисдикции», соотношение «наличия» и «применения» иммунитета).

Article 1 Scope of the present draft articles	Статья 1 Сфера применения настоящих проектов статей
[...]	[...]
2. The present draft articles are without prejudice to the immunity from criminal jurisdiction enjoyed under special rules of international law, in particular by persons connected with diplomatic missions, consular posts, special missions, international organizations and military forces of a State.	2. Настоящие проекты статей не наносят ущерба иммунитету от уголовной юрисдикции, которым на основании специальных норм международного права пользуются, в частности, лица, относящиеся к дипломатическим представительствам, консульским учреждениям, специальным миссиям, международным организациям и вооруженным силам государства.
[...]	[...]

Пункт 2 статьи 1 замечаний не вызывает.

Российская Федерация исходит из того, что упоминание вооруженных сил в данном пункте сделано в порядке ссылки на международные договоры, регулирующие статус военнослужащих одного государства, законно находящихся на территории другого государства (см. пункт 14 комментария к статье 1). Соответственно, данный пункт не касается наличия или отсутствия иммунитета от юрисдикции у военнослужащих одного государства, принимающих участие в вооруженном конфликте против другого государства, которое привлекает их к ответственности, например, за совершение военных преступлений. Российская Федерация исходит из устоявшегося в международном праве представления об отсутствии у комбатантов, совершивших военные преступления, иммунитета от юрисдикции государства-противника. В то же время этот вопрос заслуживает дополнительного изучения в контексте определения понятия «должностное лицо» (см. ниже комментарий Российской Федерации к статье 2).

Article 1 Scope of the present draft articles	Статья 1 Сфера применения настоящих проектов статей
[...]	[...]
3. The present draft articles do not affect the rights and obligations of States Parties under international agreements establishing international criminal courts and tribunals as between the parties to those agreements.	3. Настоящие проекты статей не наносят ущерба правам и обязательствам государств-участников по международным соглашениям об учреждении международных судов и трибуналов в качестве сторон этих соглашений.

Российская Федерация неоднократно высказывалась против включения в проект статей каких-либо самостоятельных норм, касающихся международной уголовной юрисдикции, и продолжает придерживаться этой позиции. В этой связи Россия выступает против пункта 3 статьи 1, тем более что в представленной редакции он создает больше вопросов, чем дает ответов.

В частности, сложно согласиться с тем, что соотношение проекта статей и обязательств в контексте международных уголовных трибуналов сформулировано через конструкцию «без ущерба». Такой подход фактически означает придание учредительным документам международных трибуналов большей юридической силы, нежели нормы, закрепленные в проекте статей. Между тем, с наименьшим основанием можно утверждать, что развитие системы международной уголовной юстиции в свою очередь не должно наносить ущерба иммунитету должностных лиц государств (как минимум, тех государств, которые не участвуют в соответствующем международном органе).

Кроме того, несмотря на звучавшую критику, Комиссия сохранила формулировку о «международных соглашениях» об учреждении международных судов. По-прежнему считаем ее неудачной, хотя бы в свете того факта, что на практике международные судебные органы создавались отнюдь не только на основе международных соглашений. Следует заметить также, что само слово «соглашения» (agreements) выглядит осознанным отказом от употребления общепризнанного термина «договоры» (treaties), а это требует убедительного обоснования.

В своем стремлении «сохранить достижения последних десятилетий в области международного уголовного права» (пункт 21 комментария к статье 1) Комиссия упустила из вида действительно важный практический вопрос, который возникает на стыке национальной уголовной юрисдикции и юрисдикции международных судебных органов. Как представляется, в комментарии, а возможно, и непосредственно в текст проекта статей следует

ввести положение, согласно которому действия уголовно-процессуального характера, предпринимаемые компетентными органами государства в отношении должностного лица другого государства во исполнение запроса органа международной юстиции являются формой осуществления уголовной юрисдикции первого государства и, соответственно, охватываются нормами об иммунитете. Иными словами, обязательства государства в рамках учредительного договора органа международной юстиции не освобождают это государство от обязательств по соблюдению иммунитета должностных лиц государств, которые не являются сторонами этого договора.

Article 2 Definitions	Статья 2 Определения
For the purposes of the present draft articles:	Для целей настоящих проектов статей:
(a) “State official” means any individual who represents the State or who exercises State functions, and refers to both current and former State officials;	(a) «должностное лицо государства» означает любое отдельное лицо, которое представляет государство или осуществляет государственные функции, и относится как к действующим, так и к бывшим должностным лицам государства;
[...]	[...]

Российская Федерация поддерживает включение в проект статей отдельной статьи об определении терминов и согласна с необходимостью закрепить в этой статье определения «должностного лица государства» и «деяния, совершенного в официальном качестве». Как указано выше в комментарии к статье 1, Россия не исключала бы дополнения этой статьи определениями и других терминов, прежде всего термина «иммунитет».

Тексты пунктов «а» и «b» проекта статьи 2 в целом приемлемы.

В отношении пункта «а» Российская Федерация согласна с выбором английского термина «State official» и русского – «должностное лицо государства». Россия принимает к сведению разъяснения в пункте 18 комментария о причинах избрания тех или иных терминов для перевода этого понятия на другие официальные языки. Не оспаривая приоритет носителей каждого языка в этом вопросе, Россия тем не менее предложила бы дополнительно оценить уместность употребления на французском языке слова «représentant» (представитель). Как представляется, это потенциально сужает сферу охвата определения должностного лица: например, бывшее должностное лицо, которое находится за границей в частной поездке, никак не может являться *représentant*. Сложно применить это слово и к чиновникам нижнего звена, которые, тем не менее, обладают иммунитетом. Выработка четких соответствий терминов важна в том числе и потому, что во

франкоязычных странах имело место некоторое количество спорных судебных решений, затрагивающих вопросы иммунитета.

Что касается содержания определения должностного лица, Россия предлагает Комиссии дополнительно рассмотреть возможность отразить в тексте статьи соображения, которые в настоящее время фигурируют в пунктах 13 и 16 комментария. По аналогии со статьей 4 Проекта статей об ответственности государств 2001 г. определение «должностного лица государства» можно было бы дополнить пассажем «независимо от того, осуществляет ли это лицо законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое оно занимает в системе государства, и независимо от того, является ли оно должностным лицом центральной власти или административно-территориальной единицы государства» («whether the individual exercises legislative, executive, judicial or any other functions, whatever position the individual holds in the organization of the State, and whatever its character as an official of the central Government or of a territorial unit of the State»; см. также A/CN.4/673, пункт 144). Это сняло бы возможные сомнения правоприменителя в отношении того, действительно ли любые должностные лица государства обладают иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции.

Кроме того, Россия отмечает, что в комментариях к проекту статей несколько раз указывается на возможность ситуации, в которой должностное лицо не является гражданином государства, на службе которого оно находится (см. пункт 2 комментария к статье 3, пункт 8 комментария к статье 16). Эта мысль представляется достаточно существенной. Соответствующее положение следовало бы отразить либо непосредственно в определении «должностного лица», либо в комментарии к статье 2. В комментарии в этом контексте необходимо также подчеркнуть, что права «государства должностного лица» принадлежат именно тому государству, на службе которого находится или находилось лицо, а не государства его гражданства. В то же время государство гражданства сохраняет все права, которые ему принадлежат в связи с гражданством лица, в том числе в контексте консульской поддержки и дипломатической защиты.

Заслуживает отражения в комментарии также вопрос о том, охватывает ли понятие «должностное лицо» военнослужащих, и где грань между военнослужащим-комбатантом (который не обладает иммунитетом в отношении военных преступлений, совершенных в ходе вооруженного конфликта) и военнослужащим-чиновником (например, сотрудником штаба или центрального аппарата министерства обороны, который, вероятно, обладает иммунитетом наравне с чиновниками других государственных органов).

Представляет интерес также вопрос о том, охватывает ли понятие «должностное лицо» членов парламентов и других коллегиальных органов, если они не имеют собственных единоличных полномочий. По мнению российской стороны, в случае попытки привлечения члена коллегиального органа к ответственности за решение этого органа и/или за голосование при принятии решения этого органа вопрос об иммунитете должен рассматриваться так же, как он рассматривается в прочих случаях. Эту мысль желательно отразить в комментарии к статье 2.

Article 2 Definitions	Статья 2 Определения
For the purposes of the present draft articles:	Для целей настоящих проектов статей:
[...]	[...]
(b) an “act performed in an official capacity” means any act performed by a State official in the exercise of State authority.	(b) «деяние, совершенное в официальном качестве» означает любое деяние, совершенное должностным лицом государства при осуществлении государственной власти.

В отношении пункта «b» Российская Федерация поддерживает предложенную формулировку, которая предполагает, что любое деяние, которое должностное лицо совершает при осуществлении государственной власти, является деянием, совершенным в официальном качестве и, соответственно, охватывается иммунитетом. Россия отмечает, что слова «при осуществлении государственной власти» («in the exercise of State authority») перекликаются со статьями 5 – 9 Проекта статей об ответственности государств 2001 г. (далее – СОГ), где речь идет об «осуществлении элементов государственной власти» («exercise [of] elements of governmental authority») в качестве критерия присвоения поведения государству.

Россия поддерживает идею о том, что отправной точкой характеристики деяния как совершенного в официальном качестве является присвоение этого деяния государству (см. пункт 24 и начало пункта 25 комментария к статье 2). Россия согласна также с тем, что вопрос об иммунитете может возникать только при совершении деяния должностным лицом и, следовательно, деяние, которое присваивается государству, но совершено индивидом, не являющимся должностным лицом (см. статьи 8, 9, 10, 11 СОГ), не порождает иммунитет.

Вместе с тем, Российская Федерация не может согласиться с некоторыми утверждениями, включенным в комментарии Комиссии к проекту статьи 2. В частности, вызывает недоумение утверждение в пункте 25 комментария о

том, что деяние, совершенное исключительно в личных интересах должностного лица, не считается совершенным в официальном качестве. Кроме того, нельзя согласиться с тем, что иммунитет не охватывает деяния, совершенные должностными лицами с превышением своих полномочий или в нарушение указаний. Россия не видит причин отступить в этом контексте от логики статьи 7 СОГ, согласно которой совершение деяния *ultra vires* не препятствует присвоению деяния государству. Пытаясь вывести такие деяния из-под охвата понятия «деяние, совершенное в официальном качестве», Комиссия смешивает вопрос о «качестве», в котором действует лицо, с мотивацией его действий. Идея о том, что деяние должностного лица, присваиваемое государству для целей ответственности государства, при этом считается совершенным в личном качестве для целей ответственности индивида, выглядит не более чем юридической фикцией.

По мнению российской стороны, вопрос о том, было ли деяние совершено в личных или в государственных интересах, было ли оно совершено в рамках полномочий должностного лица или с превышением этих полномочий, должен решаться тем государством, на службе которого находится должностное лицо. На практике следует ожидать, что, если деяние совершено вопреки интересам этого государства, такое государство не станет задействовать иммунитет своего должностного лица. Если же государство предпочтет заявить об иммунитете, тем самым оно констатирует, что деяние совершено в официальном качестве, и примет на себя международную ответственность за рассматриваемое деяние. Предоставлять государству, осуществляющему юрисдикцию, возможность оспаривать такое заявление государства должностного лица было бы абсурдно. Возможное исключение могли бы составлять случаи явных злоупотреблений, то есть ситуации, когда государство заявляет об иммунитете должностного лица в отношении деяния, очевидно совершенного за пределами государственных функций – но и это требует подробного обоснования и в любом случае должно оставаться исключением, а не правилом.

Это важно еще и потому, что предоставление решения данного вопроса государству, осуществляющему юрисдикцию, открывает простор для злоупотреблений со стороны этого государства. Например, в пункте 33 комментария к статье 2 (а также в пунктах 25 – 26 комментария к статье 7) Комиссия утверждает, что нельзя рассматривать в качестве официальных деяний акты коррупции. Этот подход противоречит не только объективной реальности (должностное лицо способно совершать акты коррупции именно потому, что оно является должностным лицом, и в отсутствие этого официального качества акт коррупции был бы невозможен), но и самим целям существования иммунитета: если акты коррупции будут выведены из-под иммунитета, государства получат возможность оказывать давление на иностранных должностных лиц под угрозой обвинения их в коррупции. Тем самым будут чиниться препятствия независимому осуществлению этими

должностными лицами своих официальных функций в нарушение принципа суверенного равенства государств, гарантировать который призваны нормы об иммунитете. (Сказанное не означает стремление Российской Федерации обеспечивать безнаказанность своим должностным лицам, совершившим акты коррупции. Противодействие коррупции является важным приоритетом российского государства. Россия исходит из того, что борьба с этим явлением должна вестись в рамках национального законодательства каждого государства и международных договоров в этой области, и выступает за расширение международного антикоррупционного сотрудничества). Эта же логика применима к другим деяниям, которые сложно сочетаются с современными представлениями о надлежащем поведении государства и его должностных лиц, но которые невозможно совершить, не будучи должностным лицом.

Part Two Immunity <i>ratione personae</i>	Часть вторая Иммунитет <i>ratione personae</i>
Article 3 Persons enjoying immunity <i>ratione personae</i>	Статья 3 Лица, пользующиеся иммунитетом <i>ratione personae</i>
Heads of State, Heads of Government and Ministers for Foreign Affairs enjoy immunity <i>ratione personae</i> from the exercise of foreign criminal jurisdiction.	Главы государств, главы правительств и министры иностранных дел пользуются иммунитетом <i>ratione personae</i> от осуществления иностранной уголовной юрисдикции.

Российская Федерация поддерживает данную статью, устанавливающую личный (абсолютный) иммунитет «тройки» высших должностных лиц государства.

Вместе с тем Россия предлагает Комиссии вернуться к рассмотрению вопроса о том, какие другие должностные лица, занимающие сопоставимые должности, могли бы обладать абсолютным иммунитетом. Речь идет о таких должностных лицах, обязанности которых тесно связаны с международным сотрудничеством и/или с коренными вопросами государственного суверенитета. Иными словами, критерием признания абсолютного иммунитета мог бы являться высокий риск того, в случае попытки иностранного государства осуществить в отношении соответствующих лиц уголовную юрисдикцию возникали бы препятствия для выполнения такими лицам своих обязанностей с негативными последствиями для суверенного равенства государств (см. A/CN.4/601, пункты 120 – 121).

Помимо этого, целесообразно обратить внимание на таких должностных лиц, которые, не являясь формально первым или вторым лицом в государстве, де-

факто занимают сопоставимое место в национальной иерархии. Среди примеров можно назвать следующие должности (функции, ситуации): вице-президент (особенно в стране, где нет отдельной должности главы правительства), бывший глава государства (особенно если ему придан тот или иной особый почетный статус наподобие «основателя государства»), наследник престола (особенно если он формально или фактически выполняет функции регента), высший духовный/религиозный лидер (особенно если он осуществляет руководящие государственные функции), руководитель правящей партии (особенно в государстве, где роль правящей партии в той или иной форме узаконена), главнокомандующий вооруженными силами, наместник монарха («вице-король», «генерал-губернатор»), руководитель временного/переходного правящего органа. Особую категорию составляют лица, избранные на должность главы государства, но еще не вступившие в должность (и аналогичным образом – наследник престола в период после смерти монарха до официального восшествия на престол), а также лица, временно исполняющие обязанности по соответствующей должности (например, председатель парламента в качестве временно исполняющего обязанности президента).

Российская Федерация полагает уместным столь подробно остановиться на этом вопросе в том числе и потому, что в истории нашей страны на протяжении XX века имели место длительные периоды, в которые лицо, безусловно являвшееся национальным лидером и первым лицом в государстве, не занимало формально какую-либо государственную должность. Нет сомнений, что такие лица обладали персональным иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции. Вопрос заключается в том, каким образом отразить такую ситуацию в проекте статей.

Аналогичным образом, наряду с министром иностранных дел в государстве может существовать должность министра по тем или иным отдельным аспектам международного сотрудничества (внешняя торговля, сотрудничество со странами региона и т.п.). Имеются также примеры государств, где высшим должностным лицом, ответственным за международные дела, является не министр иностранных дел, а другое лицо, по отношению к которому министр иностранных дел является подчиненным.

Как представляется, данный вопрос может быть решен как путем признания возможности предоставления абсолютного иммунитета лицам за пределами «тройки», так и путем признания самой «тройки» эластичным понятием, которое не обязательно должно подразумевать именно трех лиц (в конечном счете, известны страны, в которых функции главы государства выполняют два или даже три лица, но наряду с этим существует глава правительства и министр иностранных дел).

Article 4
Scope of immunity *ratione personae*

1. Heads of State, Heads of Government and Ministers for Foreign Affairs enjoy immunity *ratione personae* only during their term of office.

2. Such immunity *ratione personae* covers all acts performed, whether in a private or official capacity, by Heads of State, Heads of Government and Ministers for Foreign Affairs during or prior to their term of office.

3. The cessation of immunity *ratione personae* is without prejudice to the application of the rules of international law concerning immunity *ratione materiae*.

Статья 4
Сфера охвата иммунитета *ratione personae*

1. Главы государств, главы правительств и министры иностранных дел пользуются иммунитетом *ratione personae* только в течение срока их полномочий.

2. Такой иммунитет *ratione personae* охватывает все деяния, совершенные будь то в личном или официальном качестве главами государств, главами правительств и министрами иностранных дел в течение или до срока их полномочий.

3. Прекращение иммунитета *ratione personae* не наносит ущерба применению норм международного права, касающихся иммунитета *ratione materiae*.

Статья 4 возражений не вызывает, при том понимании, что вышеприведенные соображения применительно к статье 3 требуют внесения в статью 4 редакционных уточнений.

В контексте данной статьи Российская Федерация предлагает Комиссии дополнительно рассмотреть вопрос о том, совпадает ли по существу охват иммунитета *ratione personae* с охватом иммунитета *ratione materiae*. Иными словами, существуют ли такие процессуальные меры государства, осуществляющего юрисдикцию, которые были бы допустимы в отношении должностных лиц, пользующихся иммунитетом *ratione materiae*, но недопустимы в отношении лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*? В шестом докладе Специального докладчика К. Эскобар Эрнандес (A/CN.4/722, раздел II.C) по каждой разновидности процессуальных мер делается попытка провести различие между последствиями иммунитета *ratione personae* и *ratione materiae*. Однако в текст проекта статей соответствующие выводы практически не вошли.

В пунктах 1 и 2 статьи 4 представляется не вполне удачным употребление слов «срок полномочий» («term of office»). Эта формулировка предполагает наличие некоего заранее определенного срока. Такой подход может быть применим, например, к президентам, избираемым на конкретный срок. Однако, например, у монархов, как и у министров иностранных дел, заранее определенного «срока полномочий», как правило, нет. Кроме того, понятие о «сроке полномочий» создает ненужные сомнения в отношении применимости иммунитета к должностным лицам, чьи полномочия были прекращены (или продлены) в спорных обстоятельствах. Было бы уместнее использовать формулировки, отсылающие не к «сроку», а к факту

пребывания в должности. Эти соображения относятся также к словам «срок полномочий» в пункте 3 статьи 6.

<p>Part Three Immunity <i>ratione materiae</i></p>	<p>Часть третья Иммунитет <i>ratione materiae</i></p>
<p>Article 5 Persons enjoying immunity <i>ratione materiae</i></p>	<p>Статья 5 Лица, пользующиеся иммунитетом <i>ratione materiae</i></p>
<p>State officials acting as such enjoy immunity <i>ratione materiae</i> from the exercise of foreign criminal jurisdiction.</p>	<p>Должностные лица государства, выступающие в качестве таковых, пользуются иммунитетом <i>ratione materiae</i> от осуществления иностранной уголовной юрисдикции.</p>
<p>Article 6 Scope of immunity <i>ratione materiae</i></p>	<p>Статья 6 Сфера охвата иммунитета <i>ratione materiae</i></p>
<p>1. State officials enjoy immunity <i>ratione materiae</i> only with respect to acts performed in an official capacity.</p>	<p>1. Должностные лица государства пользуются иммунитетом <i>ratione materiae</i> только в отношении деяний, совершенных в официальном качестве.</p>
<p>2. Immunity <i>ratione materiae</i> with respect to acts performed in an official capacity continues to subsist after the individuals concerned have ceased to be State officials.</p>	<p>2. Иммунитет <i>ratione materiae</i> в отношении деяний, совершенных в официальном качестве, продолжает существовать после того, как такие отдельные лица перестают быть должностными лицами государства.</p>
<p>3. Individuals who enjoyed immunity <i>ratione personae</i> in accordance with draft article 4, whose term of office has come to an end, continue to enjoy immunity with respect to acts performed in an official capacity during such term of office.</p>	<p>3. Отдельные лица, пользовавшиеся иммунитетом <i>ratione materiae</i> в соответствии с проектом статьи 4, срок полномочий которых закончился, продолжают пользоваться иммунитетом в отношении деяний, совершенных в официальном качестве в течение срока таких полномочий.</p>

Совокупный смысл статьи 5 и пункта 1 статьи 6 заключается в том, что иммунитет имеет место, только когда должностное лицо (1) действует в качестве такового и (2) совершает деяние в официальном качестве. Эти два критерия сформулированы таким образом, будто каждый из них должен быть выполнен независимо от другого. Между тем, должностное лицо «действует в качестве такового» только тогда, когда оно совершает «деяния в официальном качестве». Зазора между этими понятиями не просматривается. Невозможно представить себе деяние, при совершении которого лицо действовало в официальном качестве (по статье 5), но которое само по себе

оказалось совершено не в официальном качестве (по статье 6), и наоборот. В этой связи Российская Федерация полагает, что данные два критерия должны быть сведены к одному критерию, надлежащее место для которого – пункт 1 статьи 6. В этом случае потребуется дополнительно оценить целесообразность в принципе сохранять в проекте статью 5.

Article 7 Crimes under international law in respect of which immunity <i>ratione materiae</i> shall not apply	Статья 7 Преступления по международному праву, в отношении которых иммунитет <i>ratione materiae</i> не применяется
1. Immunity <i>ratione materiae</i> from the exercise of foreign criminal jurisdiction shall not apply in respect of the following crimes under international law:	1. Иммунитет <i>ratione materiae</i> от осуществления иностранной уголовной юрисдикции не применяется в отношении следующих преступлений по международному праву:
(a) crime of genocide; (b) crimes against humanity; (c) war crimes; (d) crime of apartheid; (e) torture; (f) enforced disappearance.	a) преступление геноцида; b) преступления против человечности; c) военные преступления; d) преступление апартеида; e) пытки; f) насильственное исчезновение.
2. For the purposes of the present draft article, the crimes under international law mentioned above are to be understood according to their definition in the treaties enumerated in the annex to the present draft articles.	2. Для целей настоящего проекта статьи вышеупомянутые преступления по международному праву следует понимать в соответствии с их определением в международных договорах, перечисленных в приложении к настоящим проектам статей.

Российская Федерация неоднократно заявляла позицию по данной статье. Статья 7 не отражает обычных норм международного права. Не составляет она и прогрессивного развития международного права в желательном направлении.

Отдельное сожаление вызывает факт принятия статьи 7 в Комиссии голосованием. Само это обстоятельство свидетельствует о том, что речь не идет ни о кодификации имеющихся норм, ни о прогрессивном развитии при всеобщей поддержке. Об этом же говорит разброс мнений государств в Шестом комитете.

Россия полностью поддерживает аргументацию тех членов Комиссии, которые голосовали против статьи 7, как она выражена в пункте 12 комментария. (Здесь следует отдать должное Комиссии за то, что, приняв

статью 7 голосованием, она посчитала нужным подробно изложить в комментарии позицию не только большинства, но и меньшинства).

В частности, следует особо подчеркнуть, что приведенные в комментарии (пункт 9 и сноски 1012, 1013, 1014) примеры судебных решений и законодательных актов отнюдь не свидетельствуют о наличии «тенденции» на признание исключений из иммунитета:

- Эти решения и законы имели место в небольшом числе государств, почти исключительно западных. В остальных регионах мира данная «тенденция» отсутствует, причем продемонстрировать это на примере судебных решений может быть затруднительно по той простой причине, что при правильном применении норм об иммунитете дело обычно вовсе не доходит до стадии судебного решения. Да и на Западе национальная судебная практика в этом отношении непоследовательна (см. сноску 1015);

- Во всех приведенных случаях речь идет о том, что соответствующее государство пытается не признавать иммунитет иностранных должностных лиц от своей юрисдикции. Оснований рассматривать эти случаи в качестве «тенденции» на исключения из иммунитета никак не больше, чем для того, чтобы считать их нарушениями норм международного права об иммунитете. Существенно больший вес имели бы судебные решения и законы, в которых государство отказывалось бы от иммунитета своих должностных лиц от иностранной юрисдикции.

Следует отметить, что, пытаясь сформулировать и обосновать исключения из иммунитета как якобы вытекающие из необходимости согласованного применения всей системы международного права в комплексе, то есть пытаясь представить эти исключения в качестве сугубо юридического явления, Комиссия неоднократно приводит по существу политические и притом непоследовательные аргументы, чем иллюстрирует искусственность всей конструкции с исключениями:

- В частности, главным аргументом в пользу исключений является тот факт, что речь идет о наиболее тяжких преступлениях по международному праву, в отношении которых всё мировое сообщество заинтересовано в недопущении безнаказанности. Однако в пункте 21 комментария Комиссия обосновывает свое решение не включать в число оснований для исключений из иммунитета преступление агрессии чисто политическими соображениями, вопреки позиции ряда членов Комиссии, которые характеризовали преступление агрессии как самое тяжкое из всех международных преступлений. Получается, что в случае с геноцидом, апартеидом, пытками и др. тяжесть преступления рассматривается Комиссией как повод для непризнания иммунитета, а в случае с агрессией – как повод для его признания;

- Политические соображения, приведенные в комментарии применительно к преступлению агрессии, вполне применимы и к другим тяжким международным преступлениям: обвинения иностранного должностного лица в геноциде, апартеиде, пытках и т.д. имеют не меньшее «политическое измерение», нежели обвинение в агрессии. В сноске 1031 признаётся: констатация национальным судом акта агрессии, совершенного другим государством, нарушала бы принцип суверенного равенства государств. То же самое можно сказать как минимум о геноциде и апартеиде, да и в целом попытка привлечь иностранное должностное лицо к ответственности нарушает суверенное равенство государств. Именно отсюда проистекает само явление иммунитета;

- В комментарии не приводится никаких юридических аргументов в пользу того, что исключения не должны распространяться на «тройку» высших должностных лиц. Этот вывод также со всей очевидностью сделан Комиссией исключительно по политическим мотивам, что высвечивает ущербность юридической аргументации о «целостности международно-правового режима»;

- В комментарии к пункту 3 статьи 14 Комиссия признаёт, что применение статьи 7 может повлечь серьезные последствия для политических отношений между государствами (пункт 15) и что статья 7 открывает простор для «политически мотивированного и ненадлежащего применения исключений из иммунитета». Отталкиваясь от этого аргумента (который сам по себе должен был бы свидетельствовать против статьи 7), Комиссия выдвигает сугубо политическое требование: рассмотрение вопроса об иммунитете на «достаточно высоком уровне». Между тем, иммунитет – правовая, а не политическая категория. Государство суда не должно наделяться «правом» «предоставить» иммунитет иностранному должностному лицу, тем более из политических соображений. Однако в комментарии прямым текстом говорится, что решение должно приниматься «органами достаточно высокого уровня принятия решений» («authorities [that] have sufficiently high-level decision-making power»);

- Также в пункте 3 статьи 14 (подпункт b.ii) применение исключений из иммунитета ставится в зависимость от того, осуществляет ли какое-либо другое государство свою юрисдикцию в отношении того же преступления. Между тем, подобный факт не может иметь отношения к наличию или отсутствию иммунитета. Пункт 26 комментария к статье 14 обосновывает такой подход стремлением избежать «конфликта между соблюдением иммунитета и обеспечением уголовной ответственности». Тем самым в решение правового вопроса вновь привносится политический фактор.

Об искусственности обоснований исключений из иммунитета свидетельствует и тот факт, что ради этого обоснования Комиссия пытается

представить такие преступления, как пытки, коррупция и ряд других, в качестве деяний, совершаемых в личном качестве. Совершенно очевидно, что такие преступления могут совершаться исключительно при исполнении обязанностей должностных лиц, а значит, являются деяниями, совершаемыми в официальном качестве (об этом см. также выше в контексте пункта «b» статьи 2).

Российская Федерация убеждена, что попытки одних государств привлекать к ответственности должностных лиц других государств за совершение наиболее тяжких преступлений по международному праву являются наилучшей иллюстрацией самого смысла существования иммунитета. Все такие случаи приводили к обострению политических отношений между государствами, и ни один из них нельзя всерьез рассматривать как важный шаг в направлении недопущения безнаказанности. Обвинение иностранного должностного лица в тяжком международном преступлении само по себе является посягательством на суверенное равенство государств. Такое обвинение также препятствует нормальному осуществлению должностным лицом своих обязанностей, не в последнюю очередь ввиду ущерба репутации, который наносится обвинением. Более того, допущение исключений из иммунитета означало бы предоставление недобросовестным государствам большого простора для оказания давления на иностранных должностных лиц под угрозой обвинения в тяжком преступлении. Наконец, нет никакой логики в запрете государствам обвинять иностранных должностных лиц в сравнительно малозначительных проступках, если им будет разрешаться обвинять их в наиболее тяжких преступлениях.

Международному сообществу еще предстоит выработать эффективные механизмы недопущения безнаказанности за наиболее тяжкие преступления по международному праву. Практика последних десятилетий показывает, что ни так называемая «универсальная юрисдикция», ни развитие международной уголовной юстиции такими механизмами не являются. Во многих случаях попытки осуществления национальной или международной юрисдикции в нарушение иммунитета должностных лиц приводили лишь к затягиванию конфликтов и тем самым лишь усугубляли страдания людей.

Совершение государством противоправных деяний, которые составляют преступления по международному праву, недопустимо. Однако Российская Федерация убеждена, что механизмы ответственности за такие деяния должны оставаться в первую очередь в плоскости межгосударственных отношений. Отказ государств от иммунитета своих должностных лиц или самостоятельное привлечение их к ответственности можно только приветствовать. Но попытки отдельных государств привлекать к индивидуальной уголовной ответственности должностных лиц иностранных государств без согласия этих государств являются недобросовестной и

ненадлежащей подменой международно-правовой ответственности государства.

На основе изложенного Российская Федерация настаивает на исключении статьи 7 из проекта статей.

Это не препятствует отдельным государствам в одностороннем порядке отказываться от иммунитета своих должностных лиц, как в связи с конкретными деяниями, так и в общем плане, в том числе на взаимной основе в отношениях с другими государствами, которые примут аналогичное решение. Такие односторонние акты или двусторонние договоренности не могут налагать какие-либо обязательства на третьи государства и ограничивать их права на иммунитет своих должностных лиц.

В заключение следует отметить пункт 27 комментария к статье 7, в котором затрагивается случай совершения преступления иностранным должностным лицом, находящимся на территории государства, осуществляющего юрисдикцию, без согласия этого государства. Россия согласна с тем, что на такие преступления иммунитет не распространяется, и предлагает записать это в проекте статей, как это предлагали оба Специальных докладчика.

<p>Part Four Procedural provisions and safeguards</p>	<p>Часть четвертая Процессуальные положения и гарантии</p>
<p>Article 8 Application of Part Four</p>	<p>Статья 8 Применение части четвертой</p>
<p>The procedural provisions and safeguards in the present Part shall be applicable in relation to any exercise of criminal jurisdiction by the forum State over an official of another State, current or former, that concerns any of the draft articles contained in Part Two and Part Three of the present draft articles, including to the determination of whether immunity applies or does not apply under any of the present draft articles.</p>	<p>Процессуальные положения и гарантии в настоящей части применяются в отношении любого осуществления уголовной юрисдикции государства суда в отношении должностного лица другого государства, действующего или бывшего, которое касается любых проектов статей, содержащихся в части второй или третьей настоящих проектов статей, включая установление того, применяется или не применяется иммунитет в соответствии с любым из настоящих проектов статей.</p>

Данная статья принципиальных замечаний не вызывает, хотя с точки зрения юридической техники она выглядит чрезмерно «тяжелой».

Следует отметить, что в данной статье впервые в проекте употребляется понятие «государство суда» («forum State»). Россия предлагает Комиссии дополнительно оценить уместность этого термина, в том числе с учетом того,

что вопрос об иммунитете возникает задолго до того, как уголовное дело попадает собственно в суд (см., например, пункт 5 комментария к статье 11). Конкретно в данной статье слово «суда» («forum») можно вовсе исключить без смысловых потерь.

Article 9 Examination of immunity by the forum State	Статья 9 Рассмотрение вопроса об иммунитете государством суда
1. When the competent authorities of the forum State become aware that an official of another State may be affected by the exercise of its criminal jurisdiction, they shall examine the question of immunity without delay.	1. Когда компетентным органам государства суда становится известно, что должностное лицо другого государства может быть затронуто осуществлением его уголовной юрисдикции, они безотлагательно рассматривают вопрос об иммунитете.
2. Without prejudice to paragraph 1, the competent authorities of the forum State shall always examine the question of immunity:	2. Без ущерба для пункта 1 компетентные органы государства суда всегда рассматривают вопрос об иммунитете:
(a) before initiating criminal proceedings;	a) до возбуждения уголовного производства;
(b) before taking coercive measures that may affect an official of another State, including those that may affect any inviolability that the official may enjoy under international law.	b) до принятия принудительных мер, которые могут затронуть должностное лицо другого государства, включая такие меры, которые могут затронуть всякую неприкосновенность, которой должностное лицо может пользоваться по международному праву.

Российская Федерация поддерживает данную статью. В частности, заслуживает поддержки формулировка «когда ... должностное лицо ... может быть затронуто осуществлением ... уголовной юрисдикции»: она возлагает на государство, осуществляющее юрисдикцию, обязанность рассмотреть вопрос об иммунитете на ранней стадии и не ограничивает эту обязанность ситуациями, в которых к иностранному должностному лицу предполагается применить те или иные меры принуждения. Представляется, что в практических целях заблаговременное рассмотрение вопроса об иммунитете отвечает интересам как государства, осуществляющего юрисдикцию, так и государства должностного лица. Именно такой подход позволяет избежать ненужных дипломатических трений, которые возникают, когда вопрос об иммунитете возникает на продвинутой стадии уголовного дела.

Вместе с тем, следует отметить, что данная статья, говоря о «рассмотрении» вопроса об иммунитете, не содержит положений о последствиях такого рассмотрения. В результате сохраняется неясность в отношении разницы

между «рассмотрением» вопроса об иммунитете по статье 9 и «установлением» наличия или отсутствия иммунитета по статье 14, в том числе в отношении того, происходят ли эти две процедуры вместе («рассмотрение», по итогам которого производится «установление») или они могут происходить отдельно друг от друга. Тем самым остается также неясным соотношение между «рассмотрением» и «установлением» иммунитета, с одной стороны, и процедурами по статьям 10 – 13, с другой: должны ли процедуры по статьям 10 – 13 происходить в промежутке между «рассмотрением» и «установлением», или возможны другие варианты. Возможно, оптимальным решением стало бы объединение статей 9 и 14 в одну статью.

Говоря о пункте 2 статьи 9, необходимо дополнительно рассмотреть употребление слов «возбуждение уголовного производства» («*initiating criminal proceedings*») в подпункте «а» и в целом уточнить, какая процессуальная стадия имеется в виду. Судя по комментарию (пункт 10), речь идет о передаче дела в суд, о начале судебной стадии производства. С точки зрения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации этой стадии мог бы соответствовать один из следующих этапов уголовного процесса: составление обвинительного заключения следователем, утверждение обвинительного заключения прокурором, направление уголовного дела в суд (в этот момент, по терминологии УПК РФ, «уголовное судопроизводство» переходит из стадии «досудебного производства» в стадию «судебного производства»).

Однако предложенная формулировка «возбуждение уголовного производства» («*initiating criminal proceedings*») слишком легко может быть понята как синоним «возбуждения уголовного дела» (см. фразу «*institution of criminal proceedings*» в пункте 6 комментария, которой в испанском тексте соответствует «*incoación de una causa penal*»). Эти две английские формулировки настолько близки, что в русском тексте оказались переведены одинаково – при том, что в подпункте «а» пункта 2 статьи 9 речь идет о стадии, на которой требуется рассмотреть вопрос об иммунитете, а в пункте 6 комментария – о стадии, на которой этого не требуется. Здесь необходимо внести терминологическую ясность.

Article 10
Notification to the State of the official

1. Before the competent authorities of the forum State initiate criminal proceedings or take coercive measures that may affect an official of another State, the forum State shall notify the State of the official of that circumstance. States shall consider establishing appropriate procedures to facilitate such notification.

2. The notification shall include, inter alia, the identity of the official, the grounds for the exercise of criminal jurisdiction and the competent authority to exercise jurisdiction.

3. The notification shall be provided through diplomatic channels or through any other means of communication accepted for that purpose by the States concerned, which may include those provided for in applicable international cooperation and mutual legal assistance treaties.

Статья 10
Уведомление государства должностного лица

1. Прежде чем компетентные органы государства суда возбудят уголовное производство или примут принудительные меры, которые могут затронуть должностное лицо другого государства, государство суда уведомляет государство должностного лица об этом обстоятельстве. Государства рассматривают вопрос об установлении надлежащих процедур, способствующих такому уведомлению.

2. В уведомлении, среди прочего, указываются личные данные должностного лица, основания для осуществления уголовной юрисдикции и орган, компетентный осуществлять юрисдикцию.

3. Уведомление осуществляется по дипломатическим каналам или с помощью любых других средств связи, приемлемых для заинтересованных государств с этой целью, которые могут включать в себя средства, предусмотренные применимыми договорами о международном сотрудничестве и взаимной правовой помощи.

Российская Федерация согласна с основной идеей данной статьи, однако полагает, что она нуждается в дополнительном обсуждении.

В пункте 1 данной статьи слова «возбудят уголовное производство», очевидно, употреблены в том же смысле, что и в статье 9, то есть имеется в виду начало судебной стадии уголовного процесса. Россия предлагает Комиссии дополнительно рассмотреть вопрос о том, действительно ли государство, осуществляющее юрисдикцию, должно уведомить государство должностного лица лишь на этом этапе разбирательства. Было бы логичнее предусмотреть, что такая обязанность возникает в тот же момент, в какой возникает обязанность «рассмотреть» вопрос об иммунитете по смыслу пункта 1 статьи 9, а именно «когда компетентным органам государства суда становится известно, что должностное лицо другого государства может быть затронуто осуществлением его уголовной юрисдикции».

Article 11**Invocation of immunity**

1. A State may invoke the immunity of its official when it becomes aware that the criminal jurisdiction of another State could be or is being exercised over the official. Immunity should be invoked as soon as possible.

2. Immunity shall be invoked in writing, indicating the identity of and the position held by the official, and the grounds on which immunity is invoked.

3. Immunity may be invoked through diplomatic channels or through any other means of communication accepted for that purpose by the States concerned, which may include those provided for in applicable international cooperation and mutual legal assistance treaties.

4. The authorities before which immunity has been invoked shall immediately inform any other authorities concerned of that fact.

Статья 11**Задействие иммунитета**

1. Государство может задействовать иммунитет своего должностного лица, когда ему становится известно, что в отношении этого должностного лица может быть осуществлена или осуществляется уголовная юрисдикция другого государства. Иммунитет следует задействовать в кратчайший срок.

2. Иммунитет задействуется в письменном виде с указанием личных данных и должности, занимаемой должностным лицом, а также оснований, на которых задействуется иммунитет.

3. Иммунитет может быть задействован по дипломатическим каналам или с помощью любых других средств связи, приемлемых для заинтересованных государств с этой целью, которые могут включать в себя средства, предусмотренные применимыми договорами о международном сотрудничестве и взаимной правовой помощи.

4. Органы, уведомленные о задействовании иммунитета, немедленно информируют об этом любые другие заинтересованные органы.

Российская Федерация поддерживает правило, согласно которому иммунитет задействуется государством. Это отражает природу иммунитета, который принадлежит именно государству, а не отдельному должностному лицу.

Вместе с тем, представляется уместным прямо предусмотреть в проекте статей, что само должностное лицо не вправе «задействовать» иммунитет (см. п.3 комментария). С другой стороны, напрашивается закрепление в статьях положения о том, как следует рассматривать возможное заявление должностного лица о наличии у него иммунитета (см. A/CN.4/729, пункт 55). Вероятно, полностью отрицать правовые последствия такого заявления было бы неверно (см. A/CN.4/646, пункт 15). Такое заявление должностного лица могло бы быть, например, поводом к рассмотрению вопроса об иммунитете по статье 9 и/или поводом к тому, чтобы проинформировать государство должностного лица по статье 10. Кроме того, государству, осуществляющему юрисдикцию, которое столкнулось с таким заявлением иностранного

должностного лица, было бы желательно воздержаться от таких действий, которые могут необратимым образом нарушить иммунитет.

Неубедительно выглядит в пункте 4 комментария отказ Комиссии определить, какие органы уполномочены задействовать иммунитет. В определенных практических обстоятельствах это может оказаться важно. Подробнее об этом см. ниже в контексте отказа от иммунитета по статье 12.

Среди других процедурных элементов, заслуживающих дополнительного рассмотрения – временной аспект. С одной стороны, пункт 1 статьи 11 предлагает государствам задействовать иммунитет «в кратчайший срок». С другой стороны, согласно пункту 8 комментария, это не препятствует задействованию иммунитета в любое другое время. Как представляется, такой подход фактически позволяет государству должностного лица выжидать длительное время (в том числе будучи уведомленным об осуществлении иностранным государством юрисдикции в отношении должностного лица) и принять решение о задействовании иммунитета лишь на поздней стадии уголовного процесса, в том числе в зависимости от хода и ожидаемого исхода этого процесса. Думается, такая тактика была бы недобросовестной. Есть основания полагать, что, если государство должностного лица не задействовало иммунитет в ситуации, когда оно имело для этого все необходимые предпосылки и было надлежащим образом уведомлено, этот факт может иметь определяющее значение для вывода об отсутствии иммунитета. Данный вопрос нуждается в дополнительном анализе в общем контексте соотношения правовых последствий между уведомлением по статье 10, задействованием или воздержанием от задействования иммунитета по статье 11, отказом или воздержанием от отказа от иммунитета по статье 12.

К временному аспекту примыкает также вопрос о том, может ли государство должностного лица заявить об иммунитете должностного лица в отношении конкретного деяния еще до того, как какое-либо другое государство попыталось осуществить юрисдикцию в его отношении. Наверное, полностью исключать такое нельзя. Но напрашивается изучение правовых последствий такого заявления: например, государство, осуществляющее юрисдикцию, в такой ситуации должно исходить из презумпции иммунитета, но должно иметь возможность дополнительно оценить наличие оснований для иммунитета и/или запросить у государства должностного лица подтверждение иммунитета.

Наконец, главный вопрос: обязательно ли задействование иммунитета? Иными словами, существуют ли такие обстоятельства, в которых государство суда обязано соблюдать иммунитет невзирая на отсутствие задействования? Есть основания полагать, что да (Комиссия это подтверждает в п. 10 комментария к статье 14). Например, в ситуациях, когда основания для

наличия иммунитета очевидны, а государство должностного лица очевидно не имело возможности узнать о намерении другого государства осуществить юрисдикцию. Это обязательно нужно закрепить в тексте статей.

Article 12 Waiver of immunity	Статья 12 Отказ от иммунитета
1. The immunity of a State official from foreign criminal jurisdiction may be waived by the State of the official.	1. Государство должностного лица может отказаться от иммунитета должностного лица от иностранной уголовной юрисдикции.
2. Waiver of immunity must always be express and in writing.	2. Отказ от иммунитета должен всегда быть определенно выраженным и оформляться в письменном виде.
3. Waiver of immunity may be communicated through diplomatic channels or through any other means of communication accepted for that purpose by the States concerned, which may include those provided for in applicable international cooperation and mutual legal assistance treaties.	3. Об отказе от иммунитета может быть сообщено по дипломатическим каналам или с помощью любых других средств связи, приемлемых для заинтересованных государств с этой целью, которые могут включать в себя средства, предусмотренные применимыми договорами о международном сотрудничестве и взаимной правовой помощи.
4. The authorities to which the waiver has been communicated shall immediately inform any other authorities concerned that immunity has been waived.	4. Органы, которым было сообщено об отказе от иммунитета, немедленно информируют об этом любые другие заинтересованные органы.
5. Waiver of immunity is irrevocable.	5. Отказ от иммунитета является безотзывным.

Как и в случае со статьей 11, Российская Федерация поддерживает основную идею статьи 12.

Однако, подобно задействию иммунитета, применительно к отказу необходимо рассмотреть вопрос, каковы правовые последствия «отказа» от иммунитета, который заявляет само должностное лицо. Такой «отказ» может принимать различные формы: должностное лицо может заявить, например, что оно «готово предстать перед судом, дабы защитить свое честное имя» или «действовало в личном качестве и берет на себя всю полноту ответственности»; должностное лицо может добровольно сдать властям государства, осуществляющего юрисдикцию, невзирая на возражения своего государства. Необходимо рассмотреть и хотя бы в комментарии к статье 12 указать, каковы возможные действия государства, осуществляющего юрисдикцию, в такой ситуации. Как минимум, представляется, что в этом

случае иммунитет не может быть применен без прямого заявления государства должностного лица о задействовании иммунитета.

Также подобно задействованию иммунитета, применительно к отказу необходимо рассмотреть вопрос о том, какие органы вправе отказаться от иммунитета. В Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях такие органы не определены, а в комментариях к соответствующим проектам статей Комиссия указывала, что отказ от иммунитета должен, как правило, заявляться главой соответствующего дипломатического представительства или консульского учреждения (см. A/77/10, сноска 1082). Применительно к этим Конвенциям такой подход логичен, т.к. в них речь идет об иммунитетах сотрудников посольств и консульств, т.е. подчиненных посла и генерального консула. В рассматриваемом же проекте статей речь идет о широчайшем круге должностных лиц. Поэтому отказ Комиссии предусмотреть хотя бы в общем плане, какие органы вправе заявлять отказ от иммунитета (п.5 комментария), неубедителен. Легко представить себе разногласия между различными органами государства должностного лица по вопросу об отказе от иммунитета (например, генеральный прокурор или верховный суд могут считать правильным отказаться от иммунитета, а МИД или тот государственный орган, в котором служит должностное лицо, может быть против; другой вариант – разногласия между ветвями власти или между политическими силами после смены власти, особенно если она произошла неконституционным путем).

Здесь напрашиваются следующие минимальные требования:

- при возникновении сомнений в полномочиях органа, заявляющего отказ от иммунитета (в том числе при получении государством, осуществляющим юрисдикцию, противоречащих друг другу уведомлений на этот счет), необходимо считать, что отказ не имел места;
- уведомление, поступившее от одного из лиц, уполномоченных представлять государство в международных отношениях («тройка»), а также от посла государства должностного лица в государстве, осуществляющем юрисдикцию, имеет больший вес, чем уведомление от какого-либо другого представителя;
- в частности, если какой-либо представитель государства должностного лица уведомил об отказе от иммунитета, а затем кто-либо из «тройки» или посол сообщил, что первый представитель не был на это уполномочен, то следует считать, что отказ не имел места.

В этом контексте заслуживает дополнительного изучения также вопрос об уместности положения в пункте 3 статьи 12 о использовании для передачи

отказа от иммунитета «других средств связи» помимо дипломатических каналов.

Применительно к пункту 2 статьи 12 Россия поддерживает правило об «определенно выраженном» отказе. Однако представляется уместным дополнительно изучить ситуацию, в которой задействие иммунитета напрашивается (например, иностранное государство пытается осуществлять юрисдикцию в отношении широко известного деяния широко известного должностного лица), но государство явно (хотя и молчаливо, путем бездействия) воздерживается от задействия иммунитета. Имеет ли такое поведение правовые последствия? Следует ли его рассматривать как отказ от иммунитета, и как это соотносится с требованием о письменной форме отказа? Влияет ли такое поведение на возможность задействовать иммунитет на более поздних стадиях процесса (см. выше в контексте ст.11)?

В пункте 11 комментария к статье 12 содержится справедливое утверждение о том, что отказ может быть частичным. Желательно это закрепить непосредственно в тексте статьи. При этом Россия исходит из того, что «частичность» отказа может быть не только материальной (т.е. отказ от иммунитета в отношении определенных деяний должностного лица, но не в отношении других его деяний), но и процессуальной. Например, государство должностного лица может отказаться от иммунитета применительно к явке должностного лица в суд, но не применительно к заключению его под стражу.

Article 13 Requests for information

1. The forum State may request from the State of the official any information that it considers relevant in order to decide whether immunity applies or not.

2. The State of the official may request from the forum State any information that it considers relevant in order to decide on the invocation or the waiver of immunity.

3. Information may be requested through diplomatic channels or through any other means of communication accepted for that purpose by the States concerned, which may include those provided for in applicable international cooperation and mutual legal assistance treaties.

Статья 13 Запросы информации

1. Государство суда может запросить у государства должностного лица любую информацию, которую оно считает релевантной для принятия решения о том, применяется иммунитет или нет.

2. Государство должностного лица может запросить у государства суда любую информацию, которую оно считает релевантной для принятия решения о задействовании иммунитета или отказе от него.

3. Информация может быть запрошена по дипломатическим каналам или с помощью любых других средств связи, приемлемых для заинтересованных государств с этой целью, которые могут включать в себя средства, предусмотренные применимыми договорами о международном сотрудничестве и взаимной правовой

	помощи.
4. The requested State shall consider any request for information in good faith.	4. Запрашиваемое государство добросовестно рассматривает любой запрос информации.

Статья 13 замечаний не вызывает.

Article 14 Determination of immunity	Статья 14 Установление наличия или отсутствия иммунитета
1. A determination of the immunity of a State official from the foreign criminal jurisdiction shall be made by the competent authorities of the forum State according to its law and procedures and in conformity with the applicable rules of international law.	1. Наличие или отсутствие у должностного лица государства иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции устанавливается компетентными органами государства суда в соответствии с его законодательством и процедурами и согласно применимым нормам международного права.
2. In making a determination about immunity, such competent authorities shall take into account in particular:	2. При установлении наличия или отсутствия иммунитета такие компетентные органы учитывают, в частности:
(a) whether the forum State has made the notification provided for in draft article 10;	(a) направило ли государство суда уведомление, предусмотренное проектом статьи 10;
(b) whether the State of the official has invoked or waived immunity;	(b) задействовало ли государство должностного лица иммунитет или отказалось от него;
(c) any other relevant information provided by the authorities of the State of the official;	(c) любую другую релевантную информацию, предоставленную органами государства должностного лица;
(d) any other relevant information provided by other authorities of the forum State; and	(d) любую другую релевантную информацию, предоставленную другими органами государства суда;
(e) any other relevant information from other sources.	(e) любую другую релевантную информацию из других источников.
[...]	[...]

К данной статье применимы соображения, изложенные выше в контексте статьи 9: необходимо прояснить, как соотносятся между собой

«рассмотрение» и «установление» иммунитета, и, возможно, объединить статьи 9 и 14 в одну.

Говоря об «установлении» иммунитета, следует заметить, что статья 14 создает впечатление, будто последнее слово в деле установления иммунитета остается за органами государства, осуществляющего юрисдикцию. Более того, из нынешних формулировок кажется, будто любое решение этого государства, если оно принято с учетом всей имеющейся информации, заведомо законно.

Иными словами, эта статья исходит из того, что компетентный орган государства, осуществляющего юрисдикцию, решает, есть иммунитет или его нет. Но это неверно. Наличие или отсутствие иммунитета устанавливается международным правом и зависит от статуса должностного лица и характера его деяния. Компетентный орган государства, осуществляющего юрисдикцию, лишь фиксирует этот статус, характер деяния, позицию государства должностного лица. Он не должен наделяться самостоятельным правом, например, вместо государства должностного лица оценивать, совершалось ли деяние в официальном качестве.

В пункте 1 комментария к статье 14 Комиссия характеризует данную статью как «одну из основных процессуальных гарантий». Но на деле, предоставляя государству, осуществляющему юрисдикцию, возможность «устанавливать» иммунитет и формулируя в пункте 2 статьи 14 критерии (факторы), которые следует принимать во внимание при таком «установлении», Комиссия создает условия для неприменения иммунитета в нарушение международного права. Фактически компетентному органу государства, осуществляющего юрисдикцию, предоставляется набор аргументов (по существу отговорок), оправдывающих неприменение иммунитета. Между тем, очевидно, что наличие или отсутствие иммунитета не может зависеть от наличия или отсутствия у государства, осуществляющего юрисдикцию, достаточной информации, от наличия или отсутствия уведомления по статье 10 и от других подобных факторов.

Ввиду изложенного Российская Федерация полагает необходимым четко закрепить в статье 14, что предусмотренные ей правила об «установлении» иммунитета носят сугубо процедурный и притом рекомендательный характер. Это относится и к самому «установлению» (оно является по своей сути не решением, а констатацией), и к факторам, которые должны приниматься во внимание согласно пункту 2 статьи 14. Следует разграничить, с одной стороны, наличие/отсутствие иммунитета как объективную реальность, вытекающую по международному праву из статуса должностного лица и характера совершенного им деяния, и, с другой стороны, применение/неприменение иммунитета компетентными органами государства, осуществляющего юрисдикцию, как процедурное решение,

принимаемое с учетом имеющейся информации. Кроме этого, напрашивается положение о том, что решение о применении или неприменении иммунитета может быть пересмотрено на последующих стадиях процесса в зависимости от поступления новой информации.

Если государство, осуществляющее юрисдикцию, «устанавливает» отсутствие иммунитета в нарушение применимых норм международного права, то это составляет противоправное деяние государства и влечет международно-правовую ответственность. Это необходимо закрепить хотя бы в комментарии к статье.

Article 14 Determination of immunity	Статья 14 Установление наличия или отсутствия иммунитета
[...]	[...]
3. When the forum State is considering the application of draft article 7 in making the determination of immunity:	3. Когда для установления наличия или отсутствия иммунитета государство суда рассматривает вопрос о применении проекта статьи 7:
(a) the authorities making the determination shall be at an appropriately high level;	а) такое решение принимается органами достаточно высокого уровня;
(b) in addition to what is provided in paragraph 2, the competent authorities shall:	б) в дополнение к тому, что предусмотрено в пункте 2, компетентные органы:
(i) assure themselves that there are substantial grounds to believe that the official committed any of the crimes under international law listed in draft article 7;	i) убеждаются в наличии существенных оснований полагать, что должностное лицо совершило любое из преступлений по международному праву, перечисленных в статье 7;
(ii) give consideration to any request or notification by another authority, court or tribunal regarding its exercise of or intention to exercise criminal jurisdiction over the official.	ii) рассматривает любой запрос или уведомление любого органа власти, суда или трибунала относительно осуществления им или намерения осуществить уголовную юрисдикцию в отношении должностного лица.
[...]	[...]

Принципиальная позиция России о необходимости исключения статьи 7 распространяется и на пункт 3 статьи 14. Ряд конкретных замечаний к этому пункту высказан выше в контексте статьи 7.

Article 14 Determination of immunity	Статья 14 Установление наличия или отсутствия иммунитета
[...]	[...]
4. The competent authorities of the forum State shall always determine immunity:	4. Компетентные органы государства суда всегда устанавливают наличие или отсутствие иммунитета:
(a) before initiating criminal proceedings;	а) до возбуждения уголовного производства;
(b) before taking coercive measures that may affect the official, including those that may affect any inviolability that the official may enjoy under international law. This subparagraph does not prevent the adoption or continuance of measures the absence of which would preclude subsequent criminal proceedings against the official.	б) до принятия принудительных мер, которые могут затронуть должностное лицо другого государства, включая такие меры, которые могут затронуть всякую неприкосновенность, которой должностное лицо может пользоваться по международному праву. Этот подпункт не препятствует принятию или продолжению применения мер, отсутствие которых исключало бы последующее уголовное производство против должностного лица.

Последнее предложение пункта 4 (b) во многом подрывает смысл иммунитета. Фактически оно узаконивает арест лица, потенциально пользующегося иммунитетом, до окончательного прояснения вопроса о том, пользуется оно иммунитетом или нет. Такой подход открывает простор для злоупотребления осуществлением юрисдикцией с целью оказания давления на иностранное должностное лицо или на его государство.

Как представляется, данное положение необходимо как минимум ограничить ситуациями, в которых у компетентных органов есть веские основания *prima facie* предполагать, что лицо не пользуется иммунитетом, а также случаями, когда меры принуждения необходимы для пресечения насильственного преступления.

В отношении стадий производства, упоминаемых в подпунктах «а» и «b» пункта 4, применимы соображения, высказанные выше в контексте статьи 9.

Article 14 Determination of immunity	Статья 14 Установление наличия или отсутствия иммунитета
[...]	[...]
5. Any determination that an official of another State does not enjoy immunity shall be open to challenge through judicial proceedings. This provision is without prejudice to other challenges to any determination about immunity that may be brought under the applicable law of the forum State.	5. Любое решение о том, что должностное лицо другого государства не пользуется иммунитетом, может быть оспорено в судебном порядке. Это положение не наносит ущерба другим способам оспаривания любого решения о наличии или отсутствии иммунитета, которые могут быть использованы в соответствии с применимым законодательством государства суда.

Данное положение также нуждается в дополнительном анализе с учетом того, что государство, осуществляющее юрисдикцию, не должно наделяться самостоятельным правом решать, пользуется ли лицо иммунитетом. Оно сформулировано таким образом, будто государство должностного лица или само должностное лицо, столкнувшись с решением об отсутствии иммунитета, вынуждены добиваться отмены этого решения в суде государства, осуществляющего юрисдикцию. Между тем, сама эта процедура будет означать подчинение юрисдикции этого государства. Однако взаимоотношения между двумя государствами на предмет наличия или отсутствия иммунитета у должностного лица одного из этих государств от юрисдикции другого государства должны оставаться в межгосударственной плоскости.

Как представляется, было бы уместнее ограничиться положением общего характера о том, что государство, осуществляющее юрисдикцию, в своем процессуальном законодательстве самостоятельно решает вопрос о возможности и порядке обжалования таких решений. Это не отменяет того понимания, что, если решение вышестоящей судебной инстанции будет противоречить международному праву, оно составит противоправное деяние государства.

Article 15**Transfer of the criminal proceedings**

1. The competent authorities of the forum State may, acting *proprio motu* or at the request of the State of the official, offer to transfer the criminal proceedings to the State of the official.

2. The forum State shall consider in good faith a request for transfer of the criminal proceedings. Such transfer shall only take place if the State of the official agrees to submit the case to its competent authorities for the purpose of prosecution.

3. Once a transfer has been agreed, the forum State shall suspend its criminal proceedings, without prejudice to the adoption or continuance of measures the absence of which would preclude subsequent criminal proceedings against the official.

4. The forum State may resume its criminal proceedings if, after the transfer, the State of the official does not promptly and in good faith submit the case to its competent authorities for the purpose of prosecution.

5. The present draft article is without prejudice to any other obligations of the forum State or the State of the official under international law.

Статья 15**Передача уголовного производства**

1. Компетентные органы государства суда, действуя *proprio motu* или по просьбе государства должностного лица, могут предложить передать уголовное производство в государство должностного лица.

2. Государство суда добросовестно рассматривает просьбу о передаче уголовного производства. Такая передача осуществляется только в том случае, если государство должностного лица соглашается передать дело своим компетентным органам для цели осуществления уголовного преследования.

3. После достижения договоренности о передаче государство суда приостанавливает свое уголовное производство без ущерба для принятия и продолжения применения мер, отсутствие которых исключало бы последующее уголовное производство против должностного лица.

4. Государство суда может возобновить уголовное производство, если после такой передачи государство должностного лица не передаст дело оперативно и добросовестно своим компетентным органам для цели осуществления уголовного преследования.

5. Настоящий проект статьи не наносит ущерба любым другим обязательствам государства суда или государства должностного лица по международному праву.

Представляется чрезмерным установленное в пункте 2 статьи 15 требование, согласно которому государство должностного лица для передачи ему производства должно согласиться осуществить уголовное преследование этого лица. Более соразмерным и уместным представлялось бы требование согласия государства должностного лица на проведение правовой оценки деяния должностного лица на предмет наличия или отсутствия оснований для уголовного преследования. Такая логика в целом отражена в пункте 12 комментария, согласно которому передача производства не означает

обязанности государства должностного лица привлечь это лицо к уголовной ответственности. В нынешней же редакции пункта 2 создается впечатление, будто отказ государства должностного лица от уголовного преследования этого лица легитимизирует осуществление юрисдикции государством суда, т.е. приравнивается к отказу от иммунитета.

В целом неясно, как статья 15 соотносится со стандартными договорами о правовой помощи. Возможно, было бы лучше ограничиться краткой статьей о том, что настоящие проекты статей не препятствуют выполнению договоров о правовой помощи, которые предусматривают возможность передачи уголовных дел.

К пункту 3 применимы соображения о мерах принуждения, высказанные выше в контексте пункта 4 (b) статьи 14.

Article 16 Fair treatment of the State official	Статья 16 Справедливое обращение с должностным лицом государства
<p>1. An official of another State over whom the criminal jurisdiction of the forum State is exercised or could be exercised shall be guaranteed fair treatment, including a fair trial, and full protection of his or her rights and procedural guarantees under applicable national and international law, including human rights law and international humanitarian law.</p>	<p>1. Должностному лицу другого государства, в отношении которого осуществляется или может быть осуществлена уголовная юрисдикция государства суда, гарантируется справедливое обращение, включая справедливое судебное разбирательство, и полная защита его или ее прав и процессуальных гарантий в соответствии с применимым национальным и международным правом, включая право прав человека и международное гуманитарное право.</p>
<p>2. Any such official who is in prison, custody or detention in the forum State shall be entitled:</p>	<p>2. Любое такое должностное лицо, находящееся в тюрьме, под стражей или в заключении в государстве суда, имеет право:</p>
<p>(a) to communicate without delay with the nearest appropriate representative of the State of the official;</p>	<p>a) незамедлительно связаться с ближайшим соответствующим представителем государства должностного лица;</p>
<p>(b) to be visited by a representative of that State; and</p>	<p>b) на посещения представителем этого государства;</p>
<p>(c) to be informed without delay of his or her rights under this paragraph.</p>	<p>c) быть безотлагательно проинформированным о его или ее правах в соответствии с настоящим пунктом.</p>
<p>3. The rights referred to in paragraph 2 shall</p>	

be exercised in conformity with the laws and regulations of the forum State, subject to the proviso that the said laws and regulations must enable full effect to be given to the purpose for which the rights referred to in paragraph 2 are intended.

3. Права, о которых говорится в пункте 2, осуществляются в соответствии с законами и правилами государства суда при условии, что эти законы и правила должны способствовать полному осуществлению цели, для которой предназначены права, предоставляемые в соответствии с пунктом 2.

С содержанием этой статьи трудно спорить, но уместность ее помещения в проект вызывает сомнения. В значительной мере она воспроизводит обязательства, которые и без того лежат на государстве, осуществляющем юрисдикцию, на основе международных норм о правах человека и о консульских сношениях. Неясно, зачем их воспроизводить в рассматриваемом проекте статей, тем более выборочно.

Например, если специально закреплять в статье 16, что должностное лицо имеет право на справедливое судебное разбирательство, создается впечатление, будто для должностного лица должно быть обеспечено «более справедливое» разбирательство, чем для «обычного человека». С другой стороны, при таком подходе неясно, почему в статье не закреплено напрямую, что в отношении должностного лица недопустимо применение пыток, дискриминация по этническому признаку и т.д.

Как представляется, в этой статье следует в общем плане указать, что данный проект статей не затрагивает обязательств государств в области прав человека и консульских сношений. Далее можно было бы ограничиться только теми положениями, которые особым образом регулируют соответствующие отношения применительно к должностным лицам:

- право связаться с представителем своего государства (с тем, чтобы государство должностного лица было поставлено в известность о ситуации и могло оперативно заявить об иммунитете);
- право государства должностного лица осуществлять поддержку, аналогичную консульской, даже в случае, если должностное лицо не является его гражданином.

Article 17
Consultations

The forum State and the State of the official shall consult, as appropriate, at the request of either of them, on matters relating to the immunity of an official covered by the present draft articles.

Статья 17
Консультации

Государство суда и государство должностного лица при необходимости проводят по просьбе любого из них консультации по вопросам, касающимся иммунитета должностного лица, подпадающего под действие настоящих проектов статей.

К статье 17 замечаний нет.

Article 18
Settlement of disputes

1. In the event of a dispute concerning the interpretation or application of the present draft articles, the forum State and the State of the official shall seek a solution by negotiation or other peaceful means of their own choice.

2. If a mutually acceptable solution cannot be reached within a reasonable time, the dispute shall, at the request of either the forum State or the State of the official, be submitted to the International Court of Justice, unless both States have agreed to submit the dispute to arbitration or to any other means of settlement entailing a binding decision.

Статья 18
Разрешение споров

1. В случае возникновения спора относительно толкования или применения настоящих проектов статей государство суда и государство должностного лица стараются разрешить спор путем переговоров или другими мирными средствами по своему выбору.

2. Если взаимоприемлемое решение не может быть достигнуто в течение разумного срока, спор по просьбе либо государства суда, либо государства должностного лица передается в Международный Суд, если только оба государства не договорятся о передаче спора на арбитраж или на об обращении к любому другому способу урегулирования, влекущему за собой обязательное решение.

Российская Федерация полагает рассмотрение данной статьи преждевременным. Оно будет иметь смысл только в случае принятия решения о разработке конвенции об иммунитете должностных лиц.

Annex List of treaties referred to in draft article 7, paragraph 2	Приложение Список договоров, упомянутых в пункте 2 проекта статьи 7
[...]	[...]

С учетом принципиальной позиции Российской Федерации о необходимости исключения статьи 7 комментарии в отношении Приложения представляются излишними.